

Е.Н. БОЛОТНИКОВА

РЕГИСТРЫ ЗАБОТЫ: ОТ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ДО ОНТОЛОГИИ

На основе анализа текстов М. Фуко и М. Хайдеггера раскрываются регистры существования заботы: онтический и онтологический. Представленность заботы в онтическом регистре может носить как недискурсивный, так и дискурсивный характер. Онтология заботы у авторов имеет сходные черты. Представлены механизмы познания заботы.

Ключевые слова: забота о себе, практики заботы, онтология, дискурсивный/недискурсивный режим, феномен

Болотникова Елена Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Самарский государственный технический университет. E-mail: vlad_lena@mail.ru

E.N. BOLOTNIKOVA

THE MODES OF CARE: FROM EVERYDAY LIFE TO ONTOLOGY

The ontic and ontological modes of the existence of care are revealed through the analysis of the texts by M. Fuko and M. Heidegger. Representation of care in the ontic mode can be both non-discursive and discursive. Ontology of care in the works of both authors has similar features. Mechanisms of cognition of care are presented in the paper.

Keywords: self-concern, caring practices, ontology, discursive/non-discursive mode, phenomenon

Elena N. Bolotnikova – Candidate of Philosophy, assistant professor at the Department of Philosophy, Samara State Technical University. E-mail: vlad_lena@mail.ru

Гуманитарный дискурс современности пронизан интересом к индивиду и перспективам его существования в высоко-развитом технологичном мире. Распространение медиа ведёт к совпадению реального и виртуального миров, поскольку ни один шаг современника не остаётся незамеченным техническими устройствами разного рода – от selfy до Googleкарт. Это даёт бесконечно богатый материал для анализа практик существования индивида и выступает, словно блок из стеклянных кирпичиков между индивидами, преобразующий их действия, ведь когда мы знаем, что за нами наблюдают, мы неизбежно ведём себя иначе. А любая стена, пусть даже и стеклянная, преломляет свет, даёт отражение, искажает вид и меняет видение.

Технический прогресс, развивающий медиа в аспекте влияния на жизнь индивида, давно интересует интеллектуалов. Среди причин внедрения достижений техники в реальность бытия встречается одна, которая имеет расхожее и всем понятное значение – забота. Именно в целях заботы об адресности и справедливости социальной помощи, о безопасности виртуальной и реальной, об экономическом благополучии и здоровом долготельии общества в целом и каждого конкретного индивида в частности, мы функционируем в мире всеобщности медиа. Как же существует эта самая забота, забота одновременно тотальная и конкретная?

Гипотеза нашего рассуждения состоит в том, что забота предстаёт в двух измерениях: онтическом и онтологическом. При этом в регистре онтического можно выделить два режима функционирования заботы – дискурсивный и недискурсивный. Разделение онтический/онтологический представлено М. Хайдеггером, указавшим, что всё, что относится к бытию, к его смыслу, составляет онтологию, тогда как то, в каких формах, практиках, феноменах проявляет себя бытие, характеризуется онтически. Различение дискурсивный/недискурсивный мы принимаем вслед за М. Фуко. Проблематизированный, обсуждаемый, изменяющийся порядок действий индивидов носит дискурсивный характер, выражается в совокупностях высказываний, подчиняющихся правилам рассеивания, распределения, прерывности, рекурсии. Недискурсивный режим функционирования чего-бы то ни было в социальной реальности, «в немой глубине предпочтений, одновременно предварительных и основополагающих» [6, с. 70], означает, что нечто принимается как само собой разумеющееся, не составляет узел проблем и вопросов, не акцентирует внимания индивида на себе, не есть предмет для обсуждения. Кроме того в определённых обстоятельствах это нечто может быть переведено в режим дискурсии.

На наш взгляд, примером различения дискурсивного/недискурсивного харак-

тера действий индивида может служить листание страниц. В тот момент, когда мы просматриваем журнал с рекламой, сидя в кресле самолёта, этот процесс (листание страниц) не имеет для нас никакого значения. И это же действие в отделе редких книг осуществляется совершенно иначе. Перчатки, письменные правила обращения с первоисточниками, строгий контроль за тем, как мы листаем страницы, будут обязательны. Согласно М. Фуко, перевод отдельных тем, действий и практик из режима недискурсивного в дискурсивный происходит не только на индивидуальном, но и на социальном уровне.

Рассмотрим ближайшее, но от того не менее интересное измерение заботы – онтическое. Под ним мы понимаем всё многообразие форм и практик действий индивидов и обществ, которые характеризуются как попечение, озабоченность, беспокойство, заботливость, старание, радение. Кроме собственно действий в этом измерении помещены теории обоснования практик заботы, рассматривающие их как целостность, анализирующие их в динамике и статике, в связи с обстоятельствами и средой практикования, ищущие вектор их трансформаций и порядок изменения, развития. Онтический регистр – всё то, что относится к порядку сущего. Вся совокупность форм практик и теорий заботы, реализуемая в определённом пространственно-временном континууме – вот что такое этот регистр. Мы не выделяем приоритета: действие или его обоснование, теоретическое описание – они могут как сосуществовать, так и расходиться друг с другом. Разнообразие видов взаимодействия теоретического и практического аспектов заботы лишь показывает, являет нам онтический простор.

Недискурсивным, то есть не проблематизируемым способом, забота существует в повседневности актов, несомненных и обязательных, тех актов, которые не составляют для актора какого-либо вопроса, не вызывают протеста, возмущения. Ежедневный режим поведения, набор привычек в сфере гигиены, безопасности движения и поведения в незнакомых местах, сфера питания и санитарии, коммуникации в личной и социальной проекциях, действия в отношениях с инстанциями – всё это составляет ткань повседневности и не обосновывается всякий раз, когда произойдет. Здравый смысл и обыденная речь заботы касаются мало, именно в этом недискурсивном режиме она предстаёт как само собой разумеющаяся, самопонятная, не нуждающаяся ни в каком

обосновании, очевидность, банальность. В момент, когда этот набор действий накапливается и отшлифовывается, существует некая потребность в его обосновании, однако чаще всего оно осуществляется в модусе должного и мало чем отличается от ответа на вопрос детского стихотворения «Что такое хорошо и что такое плохо?». Иными словами обоснование повседневных практик заботы реализуется через примеры и повторы (для их лучшего закрепления). Когда же этот набор сформирован, то его реализация далее не дискутируется. Возврат к здравому смыслу и обыденным рассуждениям возможен при нововведениях, связанных, например, с переездом, болезнью, сменой графика работы, однако, в короткий срок выполнив свою функцию, они вновь оказываются избыточными. Недискурсивный режим практик заботы не проблематичен.

Повседневность, как справедливо писал Б. Вальденфельс, спрессовывает, сплавляет рациональность ежедневных действий, выкристаллизовывая из них наиболее значимые и далее уже никто не задаётся вопросами об их оправданности, они составляют не проблему, а каркас устойчивости существования, устойчивости социального бытия. Возможно, наиболее ярким примером недискурсивного характера практик заботы может служить история, рассказываемая выпускниками Ленинградского городского дворца пионеров и школьников. В годы блокады учащиеся хореографических классов продолжали приходить на занятия, а педагоги продолжали вести занятия, несмотря на абсолютно нечеловеческие усилия физические и моральные, которые требовались для этого некогда рядового действия. Никаких рациональных аргументированных объяснений этим поступкам не требовалось, этот порядок действий не проблематизировался, а организовывал, сохранял, воспроизводил ткань человеческого существования.

Вопрос о том, всякое ли человеческое действие может попасть в ранг действий заботы, представляется крайне сложным. Как только мы попытаемся включить/исключить какое-либо действие из регистра проявлений заботы, так нам неизбежно придётся говорить об обосновании этих действий, описывать их, и так мы попадаем в пространство дискурсии. Под дискурсом мы будем понимать, вслед за П. Адо, «дискурсивную мысль» как выраженное посредством устной или письменной речи суждение [1, с. 11]. И, таким образом, всякое действие индивида, получающее выражение в каком-либо суж-

дении, входит в пространство дискурсии и потенциально может быть определено как действие заботы.

Наиболее мощный вклад в современное теоретическое осмысление феномена заботы внёс М. Фуко. Предметом интереса многочисленных лекционных курсов и отдельных книг была не абстрактная забота вообще, о чем-бы то ни было, а забота о себе. Это понятие тщательно разрабатывается им в курсе 1981-1982 г. «Герменевтика субъекта» [7], раскрывается в «Истории сексуальности – III. Забота о себе» [8], интерпретируется в интервью. Переводчики, в частности А. Погоняйло, справедливо отмечают, что в текстах Фуко мееется множество словосочетаний, словесных образований, близких по смыслу к заботе о себе: культура себя, практики себя, техники себя, упражнения себя, эстетики существования [5, с. 597-663]. Общеизвестно, что он обратился к заботе в позднем периоде своего творчества, по утверждению Ф. Гро, он придавал всему своему предшествующему труду ретроспективно направление, ведущее к заботе: «практики себя представлены Фуко не концептуальной новинкой, но организующим принципом всего его творчества» [2, с. 549-597]. Представляется справедливым утверждение, что «Фуко не хочет сопоставлять темы, ему больше нравится герменевтическая спираль, всякую мысль, преподносимую им в качестве новой, он обнаруживает в неразвёрнутом виде в предыдущих произведениях» [Там же]. Следует отметить, что традиционные ориентиры в отношении заботы – кто, что, когда, как, в чём именно, как долго и проч. не вызывают интереса у французского мыслителя.

На наш взгляд, общим знаменателем, определяющим, что имеет в виду Фуко, когда говорит «забота о себе», можно считать следующую формулу: этическая субстанция, модус подчинения, аскетические практики и телос. Эта структура заботы о себе наполняется содержанием в конкретный исторический период в строго определённых культурных в широком смысле (и политика, и экономика, и искусство) обстоятельствах. В качестве телоса выступает то, во имя чего индивид предпринимает над собой определённый набор действий, во имя чего он стремится обрести моральный облик. Это могут быть чистота, бессмертие, свобода или самостоятельность. Этическая субстанция предстаёт, как та часть индивида, или та его сторона, которая связана с моральным поведением. Таковыми могут быть и были в истории чувства наме-

рения и желания (список, думается, не полон). Модусом подчинения Фуко называет ответ на вопрос о том, каким способом побуждаются люди исполнять моральные обязательства? Предлагаемые варианты: закон природы, космологический порядок, везде и всюду единый для всех живых существ, рациональное (в кантианском смысле, то есть универсальное) правило или попытка придать своему существованию самую прекрасную из возможных форм. Аскетизм в самом широком смысле – это деятельность самоформирования [9, с. 144-145]. Это осознанный и добровольный отказ от чего-либо, чем можешь обладать, что можешь использовать во имя определённой цели (телос), которая никак не связана с материальной стороной бытия.

То, чем наполняется структура заботы о себе в античности, хорошо известно благодаря Фуко. Привлекая многочисленные архивные источники наряду с общеизвестными текстами Платона, Эпикура, Сенеки, Марка Аврелия он в динамике разворачивает картину изменений, появление новых аспектов заботы в связи с наставничеством, развитием медицины, усилением властного контроля, трансформацией морального дискурса, организацией христианских практик существования и проч.

По вариантам, предложенным Фуко мы видим, что структура заботы не только «заземлена» на материалах античной истории, но может быть применима и к другим эпохам. Он настойчиво рекомендует сохранять критический настрой и не применять понятие «заботы о себе» к каким-либо сиюминутным модным культурам или течениям (например, актуальному в 70-80-х гг. «калифорнийскому культу») [9, с. 151]. То есть сам Фуко достаточно строго относится к предлагаемой схеме и не допускает её использования в любых внешне подходящих обстоятельствах. Прежде чем тенденция индивидуализма, эгоизма или их популистские версии найдут своё место в этой структуре, потребуются глубокая критическая работа.

Проблематика заботы о себе получила широко распространение в гуманитарных исследованиях конца XX – начала XXI в. Иностранные исследования сосредоточены в целом направлении этики заботы (К. Гиллиган), в феминистских теориях, в менеджменте, этике, антропологии. В России вышли монографии, проведены конференции (НИУ ВШЭ, г. Москва, сентябрь 2015 г., СГУ, г. Саратов, декабрь 2016 г.), концентрирующиеся на феноменологических и социальных аспектах за-

боты. Отдельные авторы принимают позицию Фуко. Так, В.К. Пичугина указывает на необходимость рассмотрения в педагогической сфере «заботы о себе» как дискурсивной практики в её плотности и почти материальности (М. Фуко), как практики, оказывающей давление на человека и принуждающей к определённом поведению [4, с. 13-14]. Другие выстраивают негативный вариант определения заботы, указывая на то, к чему она не сводима, хотя и близка. Согласно Г.В. Иванченко заботой о себе не является «инвестирование в свой человеческий капитал»; стремление к счастью: самоуспокоенность; самозамыкание; привычка; интеллектуальный акт самопознания и самопонимания и др. [3, с. 12-14]. Очевидно, что многочисленные проявления заботы, её структура и практики функционирования, значение в социальной жизни создают обширное исследовательское поле, в котором индивидуальное бытие не только фиксируется, но и открывается осмыслению и новым горизонтам понимания.

Однако, красочная палитра, которой Фуко и его последователи (в смысле темы) очертил заботу о себе, не снимает всё же вопроса о том, что, собственно, говорится, когда говорится о заботе? Существует ли для Фуко забота безотносительно того, кто, как, когда, в каких именно действиях и с какой целью её осуществляет? Можно ли утверждать, что существует нечто такое в заботе, что везде и всегда позволяет нам её опознать?

На наш взгляд, в этой точке, в точке определения заботы как таковой мы покидаем онтическое измерение и должны прорваться к смыслу заботы, к тому, что проходит под ведомством онтологии.

Смыслами бытия в XX веке был озабочен автор фундаментальной онтологии М. Хайдеггер. Отметим, что «забота», как и «бытие», долгие века была предана забвению в философии, и, переформулировав вопрос о бытии, Хайдеггер тем же самым по-новому поставил и вопрос о заботе. Одна из глав «Бытия и времени» целиком посвящена заботе как бытию присутствия, где она рассматривается, исходя из целостности структурного целого присутствия. Автором указан ряд ограничений на трактовку заботы: её нельзя выводить из антропологического дискурса, из идеи человека; сводить к бытию наличного, сущего; сводить к субстанциональности; утверждать приоритет практического или теоретического; не ищет аргументов, чтобы рассматривать «заботу о самом себе».

Путь к заботе открывает ужас. Он существует отличимым от страха спосо-

бом, но делает его возможным; захватывает целиком, не имеет коррелята, не вызывается чем-то наличным, подручным, «нигде» и «ничто», «тут» и «там» ужаса неопределимы; «ужас-от» и «ужас-за» тождественны; причинами выступает бытие в возможности, которое маркируется экзистенциально-онтологически как «не-по-себе-бытие»; просыпается в самых безобидных ситуациях повседневности как жуть, природа которой логически необъяснима. «От-чего ужаса есть бытие-в-мире как таковое» [10, с. 215]. Испытание ужаса размыкает, делает видимым, кажет, являет бытие-в-мире в его целостности и вопрошает о способности быть в мире, о бытии присутствия, то есть о заботе.

Титульное определение заботы для Хайдеггера: вперёд-себя-уже бытие-в-(мире) как бытие-при (внутримирном встречном сущем). Метафорический абрис дан в легенде, гласящей, что Забота – это именно то, что владеет человеком, собирает его материю (тело, Землю) и дух (Юпитер) в единое целое и удерживает эту целостность бытия присутствия в настоящем. Не случайно позднее во «Времени и бытии» забота определяется как умение устоять в просвете бытия в своем эк-статическом существе. Двойкий смысл экзистенциала заботы: тревожная хлопотливость и тщательность, преданность определяют её деятельный характер. Тщательность тревожит целость, но не только индивида, но и целость мира, бытия-в-мире, бытия и сущего, с которым происходит встреча. Модификации заботы: озабоченность как бытие при подручном и заботливость как бытие с внутримирно сущим. Структурные элементы заботы: уже-бытие и бытие-при. Её свойство – доонтологичность. Забота находится в определённых отношениях с волей, желанием, влечением и позывом (стремлением). Они включены в неё, раскрывают её в аспектах возможностей; смотреть же на неё сквозь них не допустимо, потому как это приведёт к искажению заботы, превращению её в повседневную форму бытия-среди-людей.

Забота характеризует бытие внутримирно сущего, реальность которого открывается через сопротивление. Оно предполагает «внешний мир» в качестве внутримирного сущего, но никогда как мир вообще, мир вещей или мир сознания. Сопротивление включает стремление, воление, порыв, а они фундированы бытием присутствия, то есть заботой. Отношение между реальностью и заботой есть зависимость, аналогичной той, что имеет место между бытием и бытий-

ной понятливостью. Не реальность сущего, и не сущее реальности образуют феномен человека, но способ быть и удерживать бытие в бытийной понятливости, в разомкнутом бытии-в-мире.

Отношение между истиной и заботой выглядит так: истинность характеризуется лишь то высказывание, которое раскрывает сущее в нём самом, то, которое показывает, даёт увидеть сущее в его раскрытости. Бытие-истинным как бытие-раскрывающим имеется в присутствии, в бытии присутствия как вперёд-себя-уже бытии истина предполагается, пред-лежит присутствию как пред-полагающее само умение быть.

Основофеномен заботы увиден совершенно новым способом. Мы словно стоим у кромки кратера вулкана и видим, как нити прочных связей бытия присутствия – заботы, ужаса, разомкнутости, истины, реальности, умения быть выходят далеко за пределы простой самоочевидной понятности.

Экзистенциальная аналитика бытия присутствия указывает нам, что забота не сводима к своим феноменальным проявлениям, а даёт им самим возможность осуществляться. Онтологический регистр заботы обуславливает потенциал разворачивания практик заботы вне зависимости от конкретных обстоятельств её осуществления, вне зависимости от того, дискурсивным или недискурсивным способом она практикуется. Он роднит всё то, что люди называют или реализуют как заботу в тех или иных пространственно-временных границах, безотносительно объекта, субъекта, периодичности, частоты, длительности, конкретности и проч. Забота именно потому и опознаётся как забота в самых разных феноменальных проявлениях, что раскрывает умение быть.

Именно в этой точке, на наш взгляд, возникает сопряжение позиций М. Фуко и М. Хайдеггера. Французский философ пишет: «...принцип «заботы о себе»... обосновывает его (искусство существования – Е.Б.) необходимость, направляет его развитие и определяет его практику» [8, с. 51]. Забота есть то, что организует, развивает и направляет существование всякого сущего и предстаёт как онтологический горизонт проявления бытия сущего этого мира. Это не только теоретическое «познать самого себя», практика исповеди, аскезы, эстетика существования, культура себя, жажда чистоты или бессмертия и проч., но любое феноменаль-

ное проявление заботы пред-положено в ней. Понятая таким образом забота соотносима с Хайдеггерианским видением бытия присутствия, умеющего быть и осмыслять собственное бытие, удерживать себя в бытии присутствия, в «Заботе, которая становится сопротязённой жизни» [7, с. 103].

Забота – удел человеческий. Её осуществляет всякий индивид. Тот, кто не проблематизирует заботу, практикует её недискурсивным способом. Тот, кто стремится увидеть её основания, выходит в дискурсивный режим. Объединяющий эти режимы онтический регистр функционирования заботы раскрывает бескрайнее поле феноменов, прерывных, рассеянных, уникальных. Систематизация этого поля феноменов заботы достигает своей предельной ясности и чёткости в трудах М. Фуко. Хайдеггер М. выводит вопрос о заботе в онтологическую плоскость. Понимание заботы как умения устоять в просвете бытия, умения быть, осмысленно существовать в разомкнутом мире собирает воедино всё возможное многообразие реальных практик и теоретических схем заботы и открывает её смысл. В мире, где медиа и техника пронизывают каждое мгновение индивидуального существования, способность обрести осмысленное бытие-с-другими, бытие-с-миром, бытие-с-самим собой, очевидно, фундирована заботой.

Список литературы

1. Адо П. Что такое античная философия? / Перевод с французского В.П. Гайдамака. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 1999. – 320 с.
2. Гро Ф. О курсе 1982 г. / М. Фуко. Герменевтика субъекта. – СПб.: «Наука», 2007. – 677 с.
3. Иванченко Г.В. Забота о себе: история и современность. – М.: Смысл, 2009. – 304 с.
4. Пичугина В.К. Антропологический курс «заботы о себе» в античной педагогике: монография / науч. ред. Г.Б. Корнетов. – М.: АСОУ; Калуга: ООО «Ваш ДомЪ», 2014. – 180 с.
5. Погоняйло А.Г. Мишель Фуко: история субъективности / М. Фуко. Герменевтика субъекта. – СПб.: «Наука», 2007. – 677 с.
6. Фуко М. Археология знания. – Киев: Ника-Центр, 1996. – 208 с.
7. Фуко М. Герменевтика субъекта. – СПб.: «Наука», 2007. – 677 с.
8. Фуко М. История сексуальности-III: Забота о себе. – Киев: Дух и литера; Грунт; М.: Рефл-бук, 1998. – 288 с.
9. Фуко М. О генеалогии этики: обзор текущей работы // Логос. – 2008. – № 2. – С. 135-159.
10. Хайдеггер М. Бытие и время. – Харьков: «Фолио», 2003. – 503 с.